

V. Историческая антология.

К. Б. Виноградов

Осада Парижа пруссаками (1870 - 1871 гг.).*

В битве при Седане (1 сентября 1870 г.) французская армия была разбита немцами. Наполеон III попал в плен. Весть о седанской катастрофе потрясла Францию. Прошло еще два дня, и Вторая империя пала. «Все рухнуло сразу», - писал П. Мери́ме. Была провозглашена республика. Народ праздновал свержение ненавистного режима. Однако, воспользовавшись обстановкой, власть узурпировали буржуазные республиканцы и орлеанисты - сторонники конституционной монархии, лидеры которых объявили себя «правительством национальной обороны». Главой его стал генерал Трошю; посты военного и морского министра заняли орлеанисты. Буржуазным республиканцам удалось получить портфели министров: Жюлю Фавру - иностранных дел, Гамбетте - внутренних дел, Пикару - финансов, Симону - просвещения и др.

Махинации Жюля Фавра и его коллег прежде всего направлялись на то, чтобы не допустить трудящихся к управлению страной. Надо «спасать Францию» от грозящего ей социального взрыва, непрерывно повторяли они. Разумеется, тогда это говорилось в узком кругу. А в официальных декларациях, предназначавшихся для широких масс, буржуазные министры изображали себя приверженцами прогресса и демократических свобод, непреклонными борцами за честь отчизны и ее территориальную целостность. Они призывали к единству и гармонии интересов всех слоев общества веред лицом внешнего врага - Пруссии, войска которой двигались на Париж. Мы не отдадим «ни одной пяди нашей земли, ни одного камня наших крепостей», - говорилось 6 сентября в циркуляре министра иностранных дел.

На первых порах народ в своем большинстве принимал

на веру заявления такого рода /1/. Рядовой француз мало знал о политическом прошлом Фавра, Симона и других новых министров, которые в 1848 г. настаивали на расправе с парижскими рабочими, а позднее пресмыкались перед Луи-Бонапартом. Ловким ходом Фавра явилось включение в состав кабинета только что освобожденного из тюрьмы талантливый публицист А. Рошфора, пользовавшегося популярностью за обличение клики Наполеона III. Поэтому Фавр решил, что лучше иметь Рошфора «внутри правительства, чем вне его». Другой примечательной фигурой среди министров был честолюбивый и энергичный Гамбетта. Он искренне надеялся на то, что Франция сумеет дать отпор чужеземному нашествию.

Генерал Жюль Трошю пользовался репутацией храброго и умного служаки. Это он за три года до начала франко-прусской войны выпустил книгу, в которой вскрывал некоторые изъяны французской военной машины, а в середине августа 1870 г. порекомендовал императору сконцентрировать войска возле Парижа, правда, не столько для того, чтобы предотвратить новые поражения в войне, сколько с целью спасти династию и обуздать столичную «чернь» /2/. Ярый монархист Трошю после 4 сентября заверял в своем лояльном отношении к республике. Но самое примечательное, сей генерал был убежденным пораженцем. «Все потеряно», - панически говорил он 18 августа; «попытка выдержать осаду Парижа была бы чистым безумием», - ответил Трошю на вопрос своих коллег в первый же день провозглашения республики.

Командовать «регулярными» войсками в зоне Парижа Трошю поручил генералу Дюкро. Буржуазная пресса на все лады расписывала смелость Дюкро, его дерзкое бегство из немецкого плена. Но основная черта этого человека заключалась в другом: он пылал ненавистью к парижским рабочим, мечтал потопить в крови надвигающуюся революцию. За редкими исключениями, теми же качествами «блистали» и другие бонапартистские генералы, назначенные на ответственные посты в столице и провинции. «Французские генералы, - писал русский

журналист, - сохранила свою рутину и упорно подтверждают общественное мнение в своей неспособности, трусости или предательстве» /3/.

Лицам, захватившим ключевые позиций в политическом и военном руководстве страны, был чужд подлинный патриотизм, они готовились к сговору с пруссаками. Правда, буржуазным лидерам приходилось маскировать свои истинные цели, ибо, как признавал Трошю, «если бы в этот момент правительство решилось заявить, что оно намерено заключить мир..., оно было бы сметено в течение какого-нибудь часа» /4/. В своих пространственных и напыщенных прокламациях и речах Трошю вещал о защите отечества. Официозная печать подкрепляла его двуличные заверения рассуждениями о недюжинных стратегических дарованиях командующего: им будто бы уже подготовлен «план», обеспечивавший спасение столицы и всей страны.

К моменту крушения империи армия бывшего французского главнокомандующего маршала Базена была блокирована в Меце; в окружении находились гарнизоны Страсбурга и ряда других городов и крепостей. В распоряжении новых властей оказалось два полка, отозванных из Рима, и еще несколько частей, составивших XIII и XIV корпуса, вместе с военными моряками, переброшенными к Парижу, численность этих регулярных войск достигала 80 - 90 тысяч /5/. Кроме того, в столице было расквартировано 90 батальонов «мобилей» (свыше 100 тыс.), сформированных ранее в провинции. В резерве Трошю имелись парижская Национальная гвардия и добровольческие отряды «вольных стрелков» (до 350 тыс. к октябрю 1870 г.).

Военная подготовка, дисциплина «мобилей» и особенно национальных гвардейцев оставляли желать лучшего. Вскоре обнаружилось, что сынки аристократов и лавочников не жаждут попасть на линию огня. Английский либеральный публицист Г. Лабушер отмечал 11 октября контраст между буржуа, который «защищает только свою лавку» и уже «устал от войны», и рабочим, полным веры в свои силы, способным на самопожертвования. «Рабочий человек, - писал он, - это единственная реаль-

ность среди развращенных и расслабленных обманщиков» /6/. В целом Трошю располагал значительным числом людей, стоявших под ружьем. Это был, по выражению Ф. Энгельса, «превосходный материал»; на его основе в короткие сроки могла быть создана боеспособная армия /7/. Но Трошю и Фавр с крайним недоверием относились к пролетарскому костяку Национальной гвардии. Поэтому ей долгое время отказывали в боевом оружии (вместо ружей Шаспо ее снабдили устаревшими мушкетами «табатьер») и намеренно обрекали на вынужденное бездействие. Между тем именно рабочие являлись лучшими защитниками города. По словам русского журналиста, они «все до единого человека скорее готовы взлететь на воздух, чем сдаться» /8/.

Да и Париж в 1870 г. являлся великолепной крепостью. Он был окружен земляным валом высотой более чем 10 м, многочисленными бастионами. Перед валом был вырыт трехметровый ров. А главную силу обороны столицы составляли 15 фортов, сооруженных на расстоянии от 1,5 до 4,5 км за пределами вала. К осени 1870 г. после доставки тяжелых морских орудий их общее число на фортах и во всей зоне Парижа превысило 3 тысячи. Однако в полевой артиллерии ощущался острый недостаток. Итак, парижский укрепленный район являлся весьма внушительной преградой на пути прусской агрессии. Он мог бы не только сковать крупные силы противника, но и быть плацдармом для серьезного контрнаступления. Высоко оценивая роль укреплений Парижа, Ф. Энгельс писал 7 сентября 1870 г., что они «приспособлены не столько для пассивной, сколько для активной обороны» /9/. Первоочередным условием успеха в борьбе за столицу и Францию должна была стать твердая воля нового государственного и военного руководства.

Падение империи встревожило Бисмарка, Мольтке и Вильгельма I. Революционные традиции французского пролетариата пугали их. Прусский первый министр заметил 12 сентября, что до мира еще очень далеко /10/. «Война только начинается», - вторил Бисмарку прусский король. В середине сентября 3-я и 4-я немецкие армии приблизились к Парижу и обош-

ли его с севера и юга. 20 сентября кольцо окружения замкнулось у Сен-Жермена. Прусские войска, окружившие город, насчитывали до 150 тыс. человек. Никакого штурма Парижа штаб Мольтке не планировал (предстоящим штурмом буржуазные министры лишь пугали горожан и самих себя).

События 16 - 21 сентября позволяют понять подлинные замыслы правительства Трошю и методы, какими оно собиралось «воевать». Ничего не было предпринято для того, чтобы использовать выгодное положение Парижа в период, когда немецкие части не без опаски продвигались вблизи его фортов. Только 19 сентября Дюкро попытался закрепиться на Шатийонском плато, господствовавшем над южными фортами. Не веря в успех даже этой операции, преследовавшей ограниченную цель, Трошю предоставил ему незначительные силы. Куда больше интересовал капитулянтов исход другого маневра. 18 сентября Фавр тайно отправился к Бисмарку. И хотя первая попытка сговора не привела к перемирию, избранный курс не был изменен и в октябре.

С начала сентября демократическая пресса Франции была тревогу, подчеркивая, что Париж плохо готовится к продолжительной осаде. Численность населения города вместе с военнослужащими и беженцами из окрестностей и восточных районов превысила 2 млн. человек. Правительство не предпринимало каких-либо мер по эвакуации населения. Проблема снабжения продовольствием становилась одной из центральных. Официальные лица делали оптимистические заявления о больших запасах муки и зерна, имевшихся на складах, и похвалялись, что еще с конца августа в парижские парки стали перегонять стада овец. Но как же расходовались эти ресурсы? Еще до начала осады социалисты и левая печать требовали введения строжайшего контроля над ценами, и распределением продовольствия, экспроприировать все запасы. Трошю же ограничился запоздалой реквизицией зерна (часть его оптовики, однако, припрятали). Была установлена также норма выдачи мяса /11/. Цены на продукты стремительно росли. «Высокие цены и

бесконечные очереди превратились в единственный эффективный метод рационарования» /12/, - пишет А. Хорн. Как сообщал русский еженедельник, многие богачи «второпях позабывшие» даже о своей воинской повинности /13/, «поспешили заблаговременно убраться» из Парижа.

Переживая лишения и невзгоды, парижане не теряли бодрости духа. Осада не парализовала и культурную жизнь города. В октябре возобновились спектакли в театрах, большим успехом пользовались концерты классической музыки, в помещении цирка. Представлениям часто предшествовали выступления на злобу дня. Так, один из ораторов под дружный смех зала говорил: «Увы, парижская кухня утратила свой высокий стиль и традиции» /14/. На набережной Сены народ по-прежнему толпился у лавок букинистов, печатались новые книги, огромным спросом пользовались газеты, количество которых заметно увеличилось. Передовые пролетарии и прогрессивно настроенные интеллигенты разоблачали паникеров, распускавших различные слухи. В Париже продолжала звучать музыка немецких композиторов; большую пушку, отлитую на деньги, собранные артистами, назвали «Бетховен», а один из воздушных шаров - «Союз народов». Огромную роль в борьбе с неприятелем могли сыграть изобретения и военно-технические новшества. Сделано их было немало. Так, форты получили на вооружение прожектор; химики и пищевики освоили выпуск нового продукта питания из костей и желатина. Однако власти и «Научный комитет» без особого энтузиазма относились ко многим даже весьма дельным предложениям. Осведомленный журналист с грустью констатировал: «Правительство знать не хочет о новых изобретениях» /15/.

С первых дней осады большое значение приобрела стабильная связь между столицей и провинцией. Попытки наладить ее терпели неудачи: кабель, проложенный по дну Сены, был обнаружен неприятелем; цинковые контейнеры с почтой, пущенные по течению реки, также не достигали адресатов. Более успешно использовались воздушные шары. Первый из них

вылетел из Парижа 23 сентября и приземлился на неоккупированной территории. Через несколько дней парижане с радостью прочли официальное сообщение об учреждении «воздушной почты». В городе имелось тогда меньше десятка пригодных воздушных шаров. Но благодаря самоотверженному труду женщин-работниц, техников и инженеров изготовление новых шаров в специальных помещениях вскоре пошло полным ходом. Каждый шар получал особое имя. 7 октября огромная толпа, собравшаяся на площади Сен-Пьер, провожала воздушный шар «Арман Барб», в корзине которого находился вместе с пилотом министр внутренних дел Гамбетта. Его полет был вызван необходимостью поставить во главе турецкого «филиала» правительства одного из ведущих деятелей. Трошю заявил, что присутствие его, главнокомандующего, в Париже не нуждается в доказательствах. Перетрусивший Фавр также предпочел не рисковать. Только Гамбетта охотно согласился. Пережив в полете несколько опасных приключений, он благополучно достиг Мондидье. Прибыв в Тур, он немало содействовал мобилизации сил для борьбы с пруссаками.

За время осады из Парижа, по подсчетам Ж. Брюнеля, вылетело 65 шаров с 164 пассажирами и 10675 тоннами груза, и лишь 5 шаров не достигли цели. Обратную доставку депеш из Тура пришлось доверить почтовым голубям.

Немецкое командование, пытавшееся полностью изолировать Париж, стало приспособлять пушки для обстрела воздушных шаров, а против голубей выпускало специально завезенных соколов и ястребов. Оно прибегало и к дезинформации, отправив в Париж в декабре нескольких захваченных ими на шаре «Дагерр» голубей с ложными известиями. Но парижане быстро распознали, что к ним прилетели прусские «утки».

В первый месяц осады Трошю придерживался крайне пассивной тактики, предпринимая небольшими силами лишь отдельные вылазки. Недовольство жителей столицы росло. «Мы верили в ваш знаменитый план, - записывал 20 октября Лефрэн, имея в виду мифический «план Трошю», - но прошло

много времени, а мы не видим, в чем же заключается этот план, почему его до сих пор не приводят в исполнение» /16/. В конце октября успешно начатая франтирерами атака в районе нынешнего аэродрома Ле Бурже из-за предательства командования захлебнулась в крови. Одновременно в Париж поступили известия о сдаче армии Базена в плен и паломничестве «короля капитулянтов» Тьера к Бисмарку. Патриоты ответили бурными выступлениями, которые 31 октября едва не опрокинули временное правительство Трошю. Еще раз его главе пришлось заверить народ, что «губернатор Парижа никогда не капитулирует», что унижительного мира не будет.

Имелась ли после падения Меца возможность добиться перелома в ходе войны? Несомненно, она еще оставалась, поскольку изменился характер войны, и народные массы Франции вступили в борьбу с оккупантами не на жизнь, а на смерть. Левая парижская газета «Combat» ратовала за партизанские налеты и действия на коммуникациях противника. «Тревожить немцев повсюду, прерывать их коммуникации, разрушать мосты и железные дороги, уничтожать продовольствие и боевые припасы у них в тылу...» /17/, - вот совет Ф. Энгельса, содержащийся в его статье от 11 октября. В ноябре - декабре 1870 г. рейды франтиреров приняли значительный размах. Патриоты наносили немецким войскам все более чувствительные удары. Например, 19 ноября, отряд Р. Гарибальди, сына известного итальянского революционера, разбил численно превосходивший его гарнизон пруссаков в верховьях Сены, взяв много пленных. Большие надежды возлагали французы и на новые регулярные армии, создававшиеся в неоккупированных зонах страны. Победа Луарской армии при Кульмье и освобождение Орлеана (9 - 10 ноября) показали, что противника можно побеждать и в сражениях «традиционного» образца.

Пожалуй, две главные операции могли бы вызвать кризис в войне и поставить под сомнение победу Пруссии. Первая из них - целеустремленные атаки, направленные на разрыв основных немецких коммуникаций от реки Мозель до Версаля.

Однако Гамбетта слишком поздно принялся за осуществление этого замысла. Не меньшее значение могли иметь согласованные действия Луарской армии и войск Трошю, при которых Париж как бы переходил во фронтальное наступление. 23 ноября Энгельс отмечал, что немецкие части попали в затруднительное положение и Мольтке во избежание серьезных осложнений, рассматривает вопрос о снятии осады французской столицы /18/. Материалы, ставшие известными позднее (дневники генерала Блюменталья и кронпринца, «Военные корреспонденции» Мольтке и др.), полностью подтвердили справедливость слов Энгельса.

Рассмотрим, как же разворачивались события. Генерал д'Орель, возглавлявший Луарскую армию, под стать Трошю в критические дни проявил редкую нерешительность, граничившую с предательством. Сам Трошю долго откладывал прорыв. До 24 ноября он держал Гамбетту в неведении, где и когда состоится этот прорыв /19/. Наконец 30 ноября Дюкро перешел в наступление в районе Нижней Марны. Немецкая армия к тому времени построила вокруг Парижа много траншей и других укреплений, заранее зная о главном направлении французского прорыва. В распоряжении Дюкро находилась стотысячная армия и пополненная к тому времени полевая артиллерия (в Париже было уже отлито много пушек, главным образом на средства, собранные населением по подписке и предназначавшиеся для Национальной гвардии), которая приводила пруссаков «в немалое смущение» /20/. В главной квартире пруссаков снова стали обсуждаться перспективы снятия блокады Парижа. Однако поворота в войне не произошло. «Я вернусь с победой или погибну», - клялся Дюкро 28 ноября. Генерал уцелел, но победы не добился. 3 декабря Трошю распорядился отступить, хотя исход сражения еще не был предрешен. Генералы, записывая Лефренье, «останавливают порыв войск и снова охлаждают их пылкий энтузиазм» /21/.

Переход Трошю к обороне усугубил тяжесть положения Парижа. В городе начинался голод /22/. От нехватки и дорого-

визны продовольствия в первую очередь жестоко страдали беднейшие слои населения. В то же время богатые бездельники продолжали устраивать лукулловы пиры. Даже реакционный хроникер Ф. Сарсэ признавал, что зажиточные горожане не ощущали голода. И не им тяжело пришлось без топлива и теплой одежды, когда в декабре грянули сильные морозы. Но именно буржуа и знать склонялись к капитуляции. «Наша буржуазия, - отмечал один из современников, - раскислена и пытается запугивать людей мужественных. Преданные ей газеты не прекращают... трусливых толков о перемирии». Однако «рабочие из предместий все еще намерены твердо держаться до последней возможности» /23/.

Затянувшаяся кампания вызывала растущее раздражение пруссаков. Бисмарк торопил с окончанием войны, опасаясь вмешательства других держав /24/. Он санкционировал новые жестокие репрессии против французских патриотов. 17 декабря немецкое командование решило начать бомбардировку Парижа. После первых огневых налетов на Монт-Аврон (27 декабря) с 5 января 1871 г. прусская артиллерия приступила к обстрелу южных фортов и жилых кварталов города. Орудия были установлены на плато Шатийон. Отсюда, большей частью по ночам, пруссаки вели огонь по городу, не щадя и госпиталей.

Даже в этой трагической ситуации парижане продолжали героическое сопротивление. Результативен был контрбатарейный огонь французской артиллерии. Жители города стойко переносили обстрелы. Так, преподаватель истории Коллеж де Франс после взрыва снаряда по соседству спокойно предложил слушателям: «Если вас это не беспокоит, господа, давайте продолжать!»

Тем временем крупная французская буржуазия и ее политические вожаки - члены правительства, находившиеся в Париже, окончательно скатились на путь предательства. «Почему вы бездействуете?» - вопрошал Гамбетта Фавра 13 января, настоятельно призывая организовать массовую вылазку против неприятеля /25/. Гамбетта ошибался: Фавр и Трошю не

сидели сложа руки. Они замыслили во время вылазки подставить под удар части Национальной гвардии, обескровив их в канун ожидавшихся классовых битв. Главный их замысел состоял в том, чтобы убедить население, что прорыв прусских линий невозможен, что нет иного выхода, кроме перемирия. «Общественное мнение не успокоится до тех пор, пока 10 тысяч национальных гвардейцев не падут на поле боя», - утверждал один из министров на заседании 16 января. Плохо подготовленная атака у Бюзенваля 19 января в самом деле сопровождалась тяжелыми потерями. А затем Трошо, отказавшись бросить в бой резервы, приказал: «Прекратим сражение, их (национальных гвардейцев. - К. В.) уже достаточно перебито!» /26/.

22 января, с трудом подавив очередные «мятежи», Фавр и новый командующий Винуа приняли решение немедленно начать переговоры о капитуляции. «Правительством национального ослабления» назвал буржуазное министерство времен осады Парижа публицист-демократ Ж. Лефрень, другие именовали его «правительством национального поражения». «Правительство национальной измены» - вот знаменитая и куда более четкая оценка, данная К. Марксом. Тщетно в течение ста лет пытаются «забыть» ее реакционные политики, мемуаристы и историки!

28 января 1871 г. Фавр подписал в Версале предложенные Бисмарком условия перемирия. Но ни Фавр, ни Бисмарк не осмелились включить в соглашение о капитуляции пункт о разоружении Национальной гвардии. Воля трудящихся Франции к борьбе за свободу, за лучшую жизнь, за честь и независимость родины не была сломлена. Предстояли великие дни Парижской коммуны.

1. Многие руководители революционных организаций и групп, не разделяя этого наивного доверия и напоминая о бдительности по отношению к буржуазным республиканцам, сочли все же нужным подержать их. Такова была, например, позиция бланкистов (см. М. Dommanget. Blanqui. La Guerre de 1870-71 et la Commune. P., 1947,

pp. 27-28).

2. Став главнокомандующим войсками в Париже, Трошо провозгласил: «Все, что я смогу сделать для предотвращения революции, я сделаю». Цит. по: М. Шури. Париж был предан. М., 1961, стр. 55.
3. «Вестник Европы», 1870, № 11, стр. 472.
4. «Journal officiel», 3.VII.1871.
5. В одном из последних исследований приводится цифра 106 тыс. (М. Howard. The Franco-Prussian War. L. 1961, p. 320).
6. H. Labouchere. Diary of the Besieged Resident in Paris. L., 1871, pp. 95, 100 - 101.
7. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 250.
8. «Сцены из жизни в осажденном городе». «Неделя», 8(20). X.1870, стр. 1320.
9. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 87.
10. M. Busch. Bismarck und seine Leute. B., 1940, S. 83, 88.
11. Предложения о равномерном распределении продуктов питания буржуазный министр Ж. Ферри окрестил «химерой» и «безумием» (M. Howard. Op. Cit., p. 326).
12. A. Horne. The Fall of Paris. N.Y., 1965, p. 66.
13. «Неделя», 8(20). X. 1870, стр. 1316— 1317.
14. «Вестник Европы». 1871. № 1, стр. 427.
15. Ж. Лефрень. Дневник парижанина. «Дело», 1870, № 12, стр. 125.
16. Ж. Лефрень. Указ. соч. «Дело», 1870. № .11, стр. 106.
17. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 130. Об условиях, при которых «народное сопротивление» радикально может изменить картину войны, Ф. Энгельс писал также в статье «Военная обстановка во Франции» (см. там же, стр. 188).
18. Там же. стр. 183.
19. В депеше, полученной в Париже 18 ноября, Гамбетта рекомендовал прорываться на юг, но не возражал и против удара на северо-запад (который подготовлял Дюкро). Только бы войска Трошо начали настоящие боевые операции! 24 ноября на воздушном шаре «Город Орлеан» из Парижа вылетел офицер связи, посвященный во все секреты намеченного наступления Дюкро. Но шар приземлился в Норвегии.
20. «Беседы о франко-прусской войне», «Отечественные записки»,

- 1871, № 2, стр. 264.
21. Ж. Лефрень. Указ. соч. «Дело», 1871,, № 1. стр. 39.
22. После того, как в городе не осталось овец и лошадей, в пищу пошли другие, животные, в том числе кенгуру, верблюды и два слона из зоологического сада. Американский наблюдатель подсчитал, что было съедено 5 тыс. кошек, 1200 собак.
23. Ж. Лефрень. Указ. соч. «Дело», 1870, № 12, стр. 113.
24. O. Bismarck. Gesammelte Werke. Bd. VI b. B., 1931, № 1933.
25. «Lettres de Gambetta 1868-1882». P. 1938, № 109.
26. М. Шури. Указ. соч. стр. 164, 166.

* *Впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории» № 2. 1971 г.*

А. В. Бодров

Франко-прусская война по донесениям контр-адмирала И. Ф. Лихачёва.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

В Российском государственном архиве военно-морского флота сохранились три донесения российского морского агента в Англии и Франции контр-адмирала Ивана Федоровича Лихачева, описывающие события франко-прусской войны 1870 - 1871 гг. И. Ф. Лихачев был фигурой весьма незаурядной. В ходе Крымской войны он был защитником Севастополя с первых дней осады, с конца 1854 г. служил флаг-офицером при вице-адмирале В. А. Корнилове /1/. Ведал вопросами эвакуации, принимал участие в боевых действиях флота, получил при этом контузию в голову. Вес при дворе обрел, став в марте 1858 г. адъютантом генерал-адмирала вел. князя Константина Николаевича, известного своими либеральными взглядами. Под началом Лихачева на Дальнем Востоке была создана первая самосто-

ятельная Тихоокеанская эскадра, строился Владивосток. В 1864-1866 гг. Лихачев командовал Первой броненосной эскадрой России на Балтийском море. 30 августа 1864 г. был зачислен в свиту Александра II.

Участившиеся болезни (а возможно, и независимый характер) заставили отправить его в 1867 г. за границу на ответственный пост первого российского «морского агента» (атташе) в Лондоне и Париже. Он занимал этот пост в течение 17 (!) лет до своего выхода в отставку в 1883 г. в чине вице-адмирала. После увольнения от службы по состоянию здоровья он оставался за границей и продолжал вести научную и общественную деятельность. В частности, в 1888 г. вышел его труд «Служба генерального штаба во флоте», в котором он первым в России заявил о необходимости особого органа для стратегического руководства флота. К этому выводу его привел пример сухопутной армии. И надо полагать, не последнюю роль при этом сыграл триумф прусского генштаба под руководством Г. фон Мольтке в 1870 г., очевидцем которого он стал.

Стоит вкратце восстановить ход событий начального этапа войны, затрагиваемых в донесениях И. Ф. Лихачева. Франция и Пруссия к концу 60-х гг. XIX столетия успели примирить европейцев с мыслью, что столкновение между ними неминуемо, но объявление войны Францией 19 июля 1870 г. для подавляющего большинства стало полной неожиданностью. Летние месяцы европейская элита, не исключая официальных лиц, предпочитала проводить на курортах. Так, война застала в Германии «на водах», русских писателей Ф. И. Тютчева, И. С. Тургенева и П. Д. Боборыкина, ярко описавших в своих письмах и воспоминаниях охватившее всех тогда смятение. И.Ф. Лихачев, по собственному признанию, тоже оказался в этот момент в Париже «случайно», и понимая, как важна информация с места событий, решил писать морскому министру Н. К. Краббе о своих «личных впечатлениях». Нельзя не отметить, что пост военно-морского агента, главной задачей которого было установление контактов с иностранными коллегами и заводчи-